

Глава 3. Личный советник

Эшли Барретт выглядела так, будто не спала минимум трое суток.

Её пальцы с идеальным маникюром нервно отстукивали по стеклянной столешнице рваный ритм, а взгляд метался между мной и тонкой чёрной папкой, лежавшей строго по центру стола. В безупречно кондиционированном кабинете на восемьдесят девятом этаже башни Vought стояла звенящая тишина.

— Ты хоть понимаешь, что натворил, Кросс? — наконец выдавила она. Её голос дрогнул, балансируя на грани истерики и привычной корпоративной стервозности.

Я спокойно сидел в кресле напротив, сохраняя профессионально-вежливое выражение лица.

— Спас квартальные показатели, — ответил я. — Удержал акции от падения на фоне скандала в Трентоне. И предотвратил публичную катастрофу в прямом эфире. В моем контракте это называется «эффективное антикризисное управление».

Эшли резко выдохнула, словно мои слова причинили ей физическую боль. Она потянулась к виску, инстинктивно приглаживая волосы, которых там, казалось, стало чуть меньше, чем на прошлой неделе.

— Ты привлек его внимание, Эван, — прошипела она, подаваясь вперед. — Он ворвался в мой кабинет сегодня утром. Никакого стука, никакого предупреждения. Просто вошел и заявил, что отдел антикризисных коммуникаций больше не имеет на тебя прав. Что теперь ты принадлежишь ему.

Слово «принадлежишь» повисло в воздухе. Оно было тяжелым, липким и слишком точным. Я вспомнил вчерашний вечер: пустой звуконепроницаемый коридор, запах озона и холодный, оценивающий взгляд Хоумлендера, прижавшего меня к стене. «С завтрашнего дня ты работаешь только со мной».

Он не спрашивал. Он констатировал факт.

— И что решило руководство? — ровным тоном поинтересовался я, хотя уже знал ответ.

Эшли сжала губы в тонкую линию и толкнула чёрную папку по стеклу в мою сторону.

— Руководство решило, что мы не отказываем величайшему герою Америки в его маленьких капризах. Особенно когда он находится в... нестабильном эмоциональном состоянии.

Я открыл папку. Внутри лежал новый пропуск. Чёрный пластик, золотой логотип Vought и цифра «99». Высший уровень доступа. Рядом с пропуском покоился тяжелый планшет в армированном корпусе — устройство из тех, что выдают топ-менеджерам и службе

безопасности, а не рядовым пиарщикам.

— Твоя новая должность — личный советник по коммуникациям, — сухо, словно зачитывая некролог, произнесла Эшли. — По бумагам ты отвечаешь за его публичный образ, фильтруешь запросы прессы, готовишь тезисы для интервью.

— А не по бумагам? — я поднял на неё глаза.

Эшли нервно сглотнула. Её взгляд метнулся к зашторенным окнам, словно Хоумлендер мог парить снаружи и читать по губам.

— А не по бумагам, Эван... ты наш предохранитель.

Я медленно отложил пропуск.

— Я специалист по пиару, Эшли. Я знаю, как продать публике сгоревшую деревню как акт героизма. Но я не дрессировщик. И не смертник.

— Отказаться нельзя, — отрезала она, и в её голосе впервые прорезался неподдельный страх. — Приказ подписан на самом верху. Эдгар лично утвердил твой перевод. Твоя задача — держать его под контролем. Улыбаться, кивать, давать ему правильные слова и следить, чтобы он не отрывал людям головы на камеру. И самое главное... — она кивнула на планшет. — Ты будешь составлять отчеты.

— Отчеты о его медиа-активности?

— Отчеты о его состоянии, — поправила Эшли, понизив голос до шепота. — Каждый вечер. По защищенному каналу. Прямоком в аналитический отдел. Нас интересуют триггеры, перепады настроения, любые признаки того, что он может выйти из-под контроля. Ты теперь его тень, Кросс. Ты видишь то, чего не видят камеры.

Я смотрел на матовый экран планшета, чувствуя, как внутри расплзается холод. Vought не просто бросили меня на съедение льву, чтобы успокоить его. Они решили повесить мне на шею камеру и микрофон. Я должен был стать их личным канарейкой в угольной шахте.

«Идеальный план, — саркастично подумал я. — Если канарейка перестанет петь, значит, воздух отравлен. Жаль только канарейку никто эвакуировать не станет».

— Я понял, — коротко ответил я, забирая пропуск и планшет. Эмоции сейчас были роскошью, которую я не мог себе позволить. Это была профессиональная задача. Смертельно опасная, абсурдная, но задача. Если я хочу выжить, мне придется играть за обе стороны, не позволяя ни одной из них понять, что я знаю правила.

— Твой новый кабинет на девяностом этаже, — бросила Эшли мне в спину, когда я уже взялся

за ручку двери. — Служба безопасности уже переносит туда твои файлы.

Я вышел из кабинета, чувствуя на шее фантомную тяжесть нового ошейника.

На моем старом этаже царила привычная суeta open-спейса. Телефоны звонили, аналитики ругались из-за графиков, на плазмах без звука крутились утренние новости. Я подошел к своему столу, чтобы забрать личные вещи — пару книг по психологии масс, любимую перьевую ручку, зарядку.

Обычная корпоративная рутина. Собрать коробку, переехать на новый этаж, подключить монитор.

Я как раз укладывал книги в картонную коробку, когда гул голосов в офисе начал стихать. Это происходило не мгновенно, а волной, от лифтов к центру зала. Словно кто-то убавлял громкость телевизора. Зазвенела тишина, прерываемая лишь стуком чьей-то упавшей ручки.

Воздух неумовимо изменился. Стало теснее.

Я не стал оборачиваться сразу. Я заставил себя положить последнюю книгу, выпрямиться, глубоко вдохнуть и только потом повернуться.

Он стоял в десяти шагах от меня.

Хоумлендер. В полном костюме, с плащом, идеальной укладкой и этой своей фирменной, пугающе-безупречной улыбкой. Для остальных сотрудников офиса это было событие из ряда вон — бог спустился в подвал к смертным. Люди застыли за своими столами, боясь лишний раз моргнуть.

Но Хоумлендер не смотрел на них. Его взгляд, тяжелый, немигающий и абсолютно сфокусированный, был направлен только на меня.

Он медленно двинулся вперед. Плащ скользил по ковровину с тихим шорохом. Проходя мимо стола старшего аналитика, Хоумлендер даже не скосил глаза, хотя тот буквально вжался в кресло.

— Эван, — произнес он. Мое имя в его устах звучало не как обращение. Оно звучало как команда.

— Доброе утро, — ровно ответил я. Мой пульс участился, но я знал, что не смогу этого скрыть от его слуха. Важно было контролировать внешние проявления: прямой взгляд, расслабленные плечи, ровное дыхание. Вчера это сработало.

Хоумлендер остановился вплотную к моему столу. Он был выше, шире в плечах, и от него исходило едва заметное тепло, словно от работающего реактора.

— Что ты делаешь? — он чуть склонил голову набок, разглядывая картонную коробку с моими вещами. В его голосе скользнуло обманчиво-детское любопытство.

— Собираю вещи. Меня официально перевели, — ответил я, не отводя взгляда. — Эшли сообщила, что мой новый кабинет на девяностом этаже. Блок для старшего персонала.

Улыбка исчезла с лица Хоумлендера так резко, словно кто-то щелкнул выключателем. В глазах мелькнуло что-то холодное, острое, заставившее воздух вокруг нас стать на пару градусов холоднее.

— Девяностый этаж? — переспросил он мягким, опасным тоном. — На девяностом этаже сидят клерки и юристы.

Он медленно протянул руку. Я заставил себя не дернуться, когда его пальцы в красной перчатке легли мне на плечо. Прикосновение было легким, почти невесомым, но я кожей чувствовал скрытую в нем силу, способную пробить бетонную стену. Это был жест абсолютного собственности. На глазах у всего отдела он помечал свою территорию.

— Кажется, Эшли не до конца поняла мою просьбу, — задумчиво протянул Хоумлендер, не убирая руку. — Ты не работаешь на отдел, Эван. И ты не сидишь с юристами. Ты работаешь на меня.

Он повернул голову и бросил взгляд в сторону стеклянного кабинета начальника отдела на этом же этаже. Тот побледнел так, что стал сливаться с жалюзи.

— Оставь этот мусор здесь, — Хоумлендер убрал руку с моего плеча и брезгливо кивнул на коробку. — Наверху тебе дадут всё новое. Идем.

— Могу я уточнить, куда именно мы идем? — я позволил себе легкую долю сарказма, сохраняя вежливый фасад. — Чтобы я мог сообщить службе безопасности, куда перенаправить мой пропуск.

Хоумлендер усмехнулся. В этой усмешке было что-то хищное.

— Девяносто девятый этаж, Эван.

Я внутренне напрягся. Девяносто девятый этаж был святая святых. Зал заседаний Семёрки. Личные апартаменты супергероев. Зона, закрытая даже для большинства топ-менеджеров Vought.

— Я не супергерой, — осторожно заметил я. — Боюсь, корпоративный протокол не предусматривает размещение гражданского персонала на этаже Семёрки.

Хоумлендер сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до неприличной. Я почувствовал запах его одеколона — что-то дорогое, с нотками мускуса и металла. Он навис надо мной, глядя прямо в глаза.

— Корпоративный протокол, — прошептал он так, чтобы слышал только я, — это кусок бумаги. А я — Хоумлендер. Если я хочу, чтобы ты был рядом, ты будешь рядом. Понятно?

В его глазах не было места для компромисса. Он хотел, чтобы я находился в его личном пространстве, на его территории, там, где он мог контролировать каждый мой шаг, каждый мой вздох.

«Он изолирует меня, — понял я. — Отрезает от остальной компании. Делает зависимым только от себя».

— Предельно, — ответил я, не отводя взгляда.

Улыбка вернулась на его лицо — ослепительная, победоносная.

— Вот и отлично, Эван. Идем. Нам предстоит много работы.

Мой новый кабинет оказался стеклянным аквариумом, примыкающим прямо к главному коридору девяносто девятого этажа. Всего в тридцати метрах от тяжелых дверей зала заседаний Семёрки.

Здесь было слишком тихо. Звукоизоляция работала безупречно, отсекая любой гул башни. Мебель была новой, стерильно-белой, с острыми углами. Огромное панорамное окно открывало вид на Нью-Йорк, но стекло кабинета, выходящее в коридор, делало меня абсолютно видимым для любого, кто проходил мимо.

Идеальное место для птицы в клетке.

Оставшись наконец один, я сел за пустой стол. Выложил перед собой тяжелый планшет, выданный Эшли. Хоумлендер отправился на какое-то совещание, но пообещал «заглянуть позже». От этой фразы у любого нормального человека должен был начаться нервный тик, но я лишь методично выстроил в голове план защиты.

«Я могу управлять этим. Я управлял политиками, у которых шкафы ломились от скелетов. Хоумлендер просто более крупная цель. Более опасная. Но у него те же базовые потребности: признание, контроль, обожание. Дай ему иллюзию контроля, и он будет считать тебя своим союзником».

Я активировал планшет. Система считала мою сетчатку и запросила пароль. Я ввел стандартный код безопасности Vought.

На экране появился логотип компании, а затем открылось единственное установленное приложение. «Протокол мониторинга: Объект Омега».

Я хмыкнул. Значит, для аналитиков он — Объект Омега.

Я ожидал увидеть стандартные метрики для пиар-оценки: индекс цитируемости, тональность упоминаний в прессе, графики публичного одобрения. Но первый же экран заставил меня замереть.

Это была не PR-форма. Это была глубокая психологическая и физиологическая анкета.

«Оценка уровня фрустрации (1-10)»

«Случаи неконтролируемой агрессии (описать)»

«Фиксация на конкретных лицах/объектах»

«Признаки паранойи в отношении руководства Vought»

Эшли не лгала. Они действительно заставляли меня шпионить за его ментальным здоровьем. Но почему я? В компании были сотни квалифицированных психологов. Зачем брать антикризисника, который вчера впервые оказался с ним один на один?

Я пролистнул страницу вниз, к разделу обязательных ежедневных параметров. И там, среди стандартных строк вроде оценки зрительного контакта и тона голоса, я увидел поле, которое было вшито в саму структуру отчета. Оно не было добавлено сегодня. Оно выглядело так, словно шаблон готовили заранее, специально под этот случай.

Текст гласил:

[Обязательно к заполнению]

Реакция объекта на голос сотрудника (Э. Кросс): (описать физиологические маркеры, уровень внимания, степень послушания)

Я перечитал строчку трижды. Холодок, зародившийся в кабинете Эшли, теперь сковал позвоночник ледяным панцирем.

«Реакция на голос сотрудника». Не на мои инструкции. Не на мой план антикризисных действий. На мой голос.

Vought знали. Они знали, что Хоумлендер отреагировал на мой голос в наушнике во время эфира. Они знали, что он пришел за мной в тот звуконепроницаемый коридор.

Они не просто бросили меня под танк. Они знали, что танк остановится, услышав, как я говорю.

Я медленно опустил планшет на стол. В абсолютной тишине стеклянного кабинета я внезапно понял, что игра началась задолго до вчерашнего прямого эфира. И я понятия не имел, какие карты на руках у Vought.

<http://bllate.org/book/18410/1759043>